

Что случилось?

Современный русский читатель находится в очень трудном положении. Опять оживились журналы – их множество: один другого лучше или хуже – не знаешь, как и решить, но, главное, их много, и не только каждый из них держится такого-то направления, – но некоторые держатся одного и того же, выражающегося почти исключительно в политическом и общественном отделе, а в стихах и в беллетристике мало разницы; прошло то время, когда декадентов не печатали: теперь уж давно все вместе, смущая читателей своей разнородностью; литературная же критика, к которой мог бы обратиться читатель, сама всё перепутала, и везде она самое слабое место в каждом журнале.

К старинному «Русскому Богатству» обновлённой «Русской Мысли», мало освежённому разными новыми прикрасами журнальному деду – «Вестнику Европы» и старающемуся быть верным самому себе «Современному Миру», – присоединились с недавнего времени: неопределённо колеблющаяся «Новая Жизнь», – кажется, теперь переставший колебаться «Современник», сразу определённые в своём роде «Заветы», с последних дней – тоненькие «Северные Записки»... Это – литературно-политические ежемесячники; художественный «Аполлон», поскольку он касается литературы, относится к ним же; «Старые Годы» (не безупречный ли из всех журналов?) стоит в стороне; далеко от всего – мало кому известные московские «Труды и Дни», издающиеся в связи со специальным «Логосом», от которого уже один шаг до чисто-профессорских «Вопросов Философии». С прошлого года начал выходить, хотя и несколько любительский, но дельный, «Русский Библиофил»: в этом году обращает на себя внимание популярно-исторический «Голос Минувшего», отличающийся от бывших исторических журналов тем, что касается не только русского прошлого. Такие газеты, как московские – «Русское Слово», «Русские Ведомости», и петербургские – «День», «Русская Молва», «Речь», – являются не политическими лишь изданиями, но имеют более или менее постоянные литературные и художественные отделы, печатают и рассказы, и стихи: всё тех же рассказчиков и поэтов.

Политика и общественность везде свои; поэты и беллетристы, за редким исключением, те же. Какова же критика, которая и даёт литературный тон журналам и в которой русские читатели так, несомненно, нуждаются?

Стоит какой-то гул голосов и мнений. Какое выбирать? За кем идти?

В этом-то смысле современный читатель в таком трудном положении. Когда-то было просто. Было два-три журнала, два-три лагеря, они враждовали и воевали, читатели знали, кто с кем воюет, сочувствовали тому, или другому, или третьему; ни четвёртый, ни, тем более, пятый – не смущали читательской совести. Теперь её разрывают на части. И притом раньше были полководцы – резко выраженные и влиятельные.

Есть и теперь критики, считающие сами себя полководцами, но кто их знает? Где их влияние? Имя ни одного критика не произносится с тем трепетом, с которым произносилось когда-то. И читатели правы: действительной критики нет. Есть множество мнений, то традиционных, далёких от современности, то гонящихся за современными вкусами, то просто беспринципных. Множество журналов, множество мнений – одно хуже или лучше другого? Что делать читателю? Возьмём «Русскую Мысль» – очень распространённую, вчера даже модную. Куда она зовёт читателей, – если исключить политическую идею, определяемую именем издателя? Надо сознаться, что Брюсов, заведующий в течение нескольких лет литературным отделом, почему-то не придал ему своего характера. Теперь его имя как редактора не упомянуто. Примет ли журнал лучшие или худшие, но более ясные очертания? Неясность их зависит больше всего от отсутствия критического обозрения, которое есть во всех журналах, даже в «Русском Богатстве». Общего литературного принципа в «Русской Мысли» нет, стало быть, у неё не может быть и влияния. Поэтому другие журналы нового происхождения – «Заветы» и «Современник», пожалуй, ярче и цельнее. Зато, не имея литературно-критической линии, «Русская Мысль» ввела воспроизведение исторических материалов, но удивительно, что и эти материалы в ней какие-то случайные, и опять «Современник», подражая ей в этом отношении, подбирает документы интереснее.

Изумительной общей чертой молодой журнальной литературы является то настроение, которым она проникнута: это не то, что какая-то неизвестно откуда взявшаяся радость, но чуть ли не буйные восторги. Почти всё хоронит, с одной стороны, философское «неприятие мира», с другой – общественный пессимизм, так что выступать теперь с какими-нибудь жалобами, – значит, быть названным плакальщиком озлобленным, несовременным. Откуда взялись эти журнальные восторги? чему все радуются? Что изменилось в нашей жизни? Или вдруг все поняли последнюю мудрость и от безверия перешли к вере? Во что же поверили? Какие надежды сменили нашу законную тоску?

Одно только «Русское Богатство», далёкое от современности – да и вообще литературы, держится старого гражданского тона «мести и печали» и не уступает ни в чём и ничему. «Вестник» же «Европы» должен решительно заменить свою знаменитую кирпичную обложку – розовой, так как он давно уже оставил свой академический тон, настроился очень молодо и даже ветрено. «Современный Мир», уже очень давно превратившийся из журнала «для юношества» в журнал для взрослых, говорит в таком бодром педагогическом тоне обо всём и обо всех, что, читая его, забываешь об его социальных тревогах.

«Современник» – несколько строже, социал-демократичнее, в нём сам Плеханов резко делить мир на две половины – буржуазную и не буржуазную (тоже педагогический приём!), так что даже «по ту сторону добра и зла» оказалось здесь же, на одной из половин, – на буржуазной; и очаровательная поэзия Гамсуна оказалась на этой же половине, как и многое другое!

«Современный Мир» находится в таком же отношении к «Современнику», как «Заветы» к «Русскому Богатству» по степени строгости. Талантов же больше на стороне двух последних, как издавна русское народничество было литературно одарённое русской социал-демократии – слишком космополитичной по существу. «Заветники» это те, кто не выдержал гражданского аскетизма своего журнального отца, и откололся от «Русского Богатства». В отделе «изящной словесности» – у них, кроме Ропшина и Шмелёва – и Ал. Толстой, и Бальтрушайтис, и Блок, а в отделе критики, душа журнала – Иванов-Разумник – самый восторженный из литературных критиков. Недоумевая, «кто выдумал величайшее из всех кощунство, что «мир надо спасать», он утверждает, что не в человеке спасение мира, а в мире – спасение человека. Какие из этого восторга могут быть сделаны общественные и другие следствия – он не заботится, но это шумное «приятие мира» обосновывается им очень неубедительно тем, что русская литература переживает будто бы эпоху расцвета, а, между тем, одного из родоначальников этого нового движения – Мережковского, он тут же называет мертвецом; одного из самых просвещённых и смятённых умов нашей современности, Андрея Белого, – «дилетантом, философствующим на незнакомые ему темы»; роман одного из характернейших в эстетических своих приёмах – Брюсова – холодной стилизацией.

Зато почему-то абстрактная мистика Вяч. Иванова и Зин. Гиппиус оказывается для народнического журнала явлениями такими же живыми, как и натурализм М. Горького и Л. Андреева, омертвление талантов которых, все так тягостно переживают. Эти критические волны нового журнала покрываются высокими словами «жизнь», «вера в жизнь», «бодрое и радостное чувство веры в жизнь».

Я спрашиваю, что случилось? потому, что мне кажется, что выразить в настоящие трудные дни такие восторги – можно только по соображениям педагогическим – или по педагогической привычке, как это делает бывший «Мир Божий», который тоже всё приемлет: и С. Городецкого, и Блока, и проф<ессора> Жакова, и Шмелёва, и Словарь Граната, и Чирикова, и Сашу Чёрного, и Тютчева – (о кинематографе и Далькрозе, кажется, не упомянуто) – всё хорошо, всё к лучшему в этом лучшем из миров, всё – радость бытия и торжество прозябания! Родственная «Современному Миру» - «Новая Жизнь» устами Аничкова тоже предлагает отказаться с лёгким сердцем от всех «переоценок» и приняться «за работу». Что это? Уж не проповедь ли «малых дел»? Педагоги, да и только эти недавние декаденты! Открываете «Аполлон», жеманно и небрежно касавшийся до сих пор всего в перчатках; там Городецкий, без всяких перчаток, бьёт символистов за «неприятие мира» и за проповедь смерти – во имя нового Адама, «для которого все мгновения вечны!...».

Что случилось? Откуда всё это? Кто очаровал нас? Или мы стали уже так слепы и глухи? И кто же прав – суровые и неколебимые старики-общественники, или чем-то очарованная молодость с её неожиданными восторгами?

Вот вопрос, над которым нельзя не подумать, потому что становится просто жутко от этого празднования, когда вокруг такие томительные дни, которых столько молодых и нежных не выдерживают и уходят навсегда. Надо решить, обещают ли нам те, кто так весело настроен, какие-нибудь действительные надежды? Принять участие в этом празднике — или вспомнить о тоскующих буднях и пойти туда.

Владимир Гиппиус.